

Об актуальных проблемах пенализации, существующих на уровне законотворческой деятельности в отношении нарушения порядка финансирования избирательных кампаний, кампаний референдума: научный способ их решения

Лакехин М.А.,

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова
E-mail: lakehin@rambler.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемы реализации важнейшего метода уголовно-правовой политики — пенализации, сформировавшиеся на уровне законотворческой деятельности в отношении деяний, состоящих в нарушении порядка финансирования избирательных кампаний, кампаний референдума. Доказывается, что проводимая уголовная политика в этой сфере является противоречивой. Описаны причины порождения настоящего диссонанса. В заключительной части приводятся востребованные законодательные нововведения, которые, по мнению автора, способны привести не только к преодолению выявленных системных упущений, но и к транспарентности всего российского современного уголовного правосудия.

Ключевые слова: избирательная кампания, кампания референдума, пенализация, проблемы, санкции, суд, уголовно-правовая политика.

Одной из наиважнейших задач проводимой уголовно-правовой политики любого демократического государства является непрерывное законодательное усовершенствование действующего уголовного закона во благо эффективной охраны провозглашенных Конституцией прав и свобод граждан. Для осуществления этой возложенной функции нормотворец не только определяет, какие именно общественно опасные деяния должны считаться преступными, но и параллельно закрепляет в соответствующей статье за диспозицией санкции, предусматривающие определенные виды и размеры наказаний, которые сможет в дальнейшем назначить суд при рассмотрении конкретного уголовного дела. Между тем, выполнение последней обязанности производится законодателем с помощью реализации в жизнь важнейшего метода уголовно-правовой политики — пенализации, который как раз таки призван формировать цели уголовного наказания, определять его виды, размеры, а также иные меры уголовно-правового характера, необходимые и достаточные для воздействия на лиц, виновных в совершении преступлений. Поэтому от того, насколько правильно проведена пенализация на законотворческом уровне, изначально зависит эффективность самих юридических конструкций уголовно-правовых санкций в целом.

Как отмечает Э.Ф. Побегайло, сегодня «ахиллесова пята» Уголовного кодекса России — это проблема санкций. Вопрос о санкциях норм Особенной части проработан в нем откровенно слабо¹. Указанная точка зрения упомянутого

выше ученого небезосновательна. Проведенное нами комплексное исследование действующих уголовно-правовых санкций, устанавливающих ответственность за такое общественно опасное деяние, как нарушение порядка финансирования избирательных кампаний, кампаний референдума (ст. 141.1 УК РФ), явно показало, что их законодательная конструкция является противоречивой. В чем конкретно состоят проблемы? Как их решить? Почему метод уголовно-правовой политики — пенализация — именно в этом столь значимом для граждан и государства секторе общественных отношений реализуется вопреки всеобщим принципам права? Постараемся ответить на поставленные острые вопросы более подробно.

1. Низкое качество и эффективность уголовно-правовых санкций

При изучении состава преступлений, содержащихся в диспозиции ч. 1 ст. 141.1 УК РФ, невольно заставляет обратить на себя внимание предусмотренная юридическая конструкция уголовно-правовой санкции, которая демонстрирует свое некачественное строение. Ознакомившись с ее редакцией, можно увидеть, что она состоит из пяти основных видов наказаний: штрафа, обязательных, исправительных, принудительных работ, а также лишения свободы на определенный срок. Следовательно, данная санкция по строению является альтернативной, относящей оговариваемый вид совершаемых преступлений к категории небольшой тяжести.

Несмотря на то, что в настоящую санкцию законодатель включил многовариантное коли-

¹ См.: Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006. С. 48 (автор главы I — Э.Ф. Побегайло).

чество наказаний, признать все же ее конструктивную эффективность в плане противодействия таким деяниям, к сожалению, нельзя. Сказанное во многом связано с тем, что построение этой санкции было осуществлено без учета социальной ценности самого объекта уголовно-правовой охраны. Установленные в ней виды и размеры (сроки) наказаний выступают совершенно необдуманно. Заложенный в рассматриваемой санкции репрессивный потенциал сильно занижен и не соответствует подлинной общественной опасности данных криминализованных деяний. В ряде случаев он носит ярко выраженный хаотичный характер. Например, известно, для того чтобы приговорить по комментируемой норме виновных лиц к лишению свободы, судьям обязательно придется найти в их действиях обстоятельства, отягчающие наказание (ч. 1 ст. 56 УК РФ). Без них назначать эту репрессию запрещено. Но законодатель, видимо, забыл, что указанных обстоятельств в конкретных случаях может просто не быть. Поэтому такое, введенное в санкцию ч. 1 ст. 141.1 УК РФ наказание, как лишение свободы, не всегда может выступать эффективным. Кроме этого, санкция создана таким образом, что не позволяет приговорить обвиняемых к дополнительным репрессиям, позволяющим обеспечить широкие пределы индивидуализации наказания. По справедливому замечанию Д.А. Керимова, подобное нарушение логики закона, неточность его формулировок, неопределенность порождают многочисленные запросы, влекут дополнения, толкования и разъяснения, вызывают непроизводительную трату времени, сил и энергии и вместе с тем являются питательной почвой для бюрократической волокиты, позволяют извращать смысл закона и неправильно его применять².

В анализируемой уголовно-правовой санкции следует также сосредоточить взор на установленном наказании в виде штрафа. По нашему мнению, вводить его в качестве основного вида наказания за настоящее преступление нецелесообразно, поскольку, как показывает действительность, люди, которые осуществляют незаконное финансирование избирательных кампаний, кампаний референдума, в основном являются не бедными, зачастую ими выступают олигархи. Выплатить предусмотренный в санкции ч. 1 ст. 141.1 УК РФ штраф, тем самым заглажив вину лишь перед государством, взамен достижения желаемой цели не вызовет у них каких-то особых проблем. В данном случае предупредительного воздействия в результате назначения комментируемой репрессии виновным лицам не будет. На

этот счет А.И. Александров верно пишет: «Наказание за коррупционные преступления в виде штрафа (даже крупного) едва ли само по себе способно удержать потенциального коррупционера от совершения преступления»³. Тем более, что он любой ценой стремится попасть во власть. Конечно, назначение такого наказания, как штраф, выгодно для государства. Однако нужно не забывать о том, что подобные совершаемые деяния посягают не на интересы страны, а именно на важнейшие избирательные права граждан и их право на участие в проведении референдума. В связи с чем, мы считаем, что вред, причиненный этими преступлениями, в первую очередь должен быть заглажен перед ними.

Приходится с большим разочарованием констатировать, что обладает некачественным юридическим строением и установленная уголовно-правовая санкция за деяния, криминализованные в ч. 2 ст. 141.1 УК РФ. Законодатель сконструировал ее действующую редакцию из шести видов наказаний, которые могут назначаться только как основные. Так, ими являются: штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные, исполнительные, принудительные работы и лишение свободы на определенный срок. Данная мера уголовно-правового воздействия также является альтернативной, относящей этот вид преступлений к категории небольшой тяжести.

Основной массив объективных факторов, свидетельствующих о неэффективности произведенной пенализации в отношении рассматриваемых деяний, полностью совпадает с санкцией ч. 1 ст. 141.1 УК РФ. Но в данной санкции имеется одно наказание, рентабельность назначения которого на практике следовало бы всесторонне проанализировать. Речь здесь идет именно о предусмотренной репрессии в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

На наш взгляд, вводить этот вид наказания в санкцию за деяния, содержащиеся в ч. 2 ст. 141.1 УК РФ, в качестве основного наказания — неправильно. Это связано с тем, что настоящее наказание в таком виде не способно реально привести к восстановлению социальной справедливости и предупреждению совершения новых преступлений, поскольку причиненный вред репрессией перед гражданами вину не искупает. В случае назначения осужденным этого наказания вполне возможно, что после истечения его срока эти лица вновь будут использовать в крупных размерах незаконную финансовую поддержку на проведение избирательной кампании. Также не

² См.: Керимов Д.А. Законодательная техника: науч.-метод. и учеб. пособие. М.: Изд-во Инфра-М, Норма, 1998. С. 55.

³ См.: Александров А.И. Современная уголовная политика России: понятие, структура, содержание // Правоведение. 2012. № 3. С. 181.

исключено, что они начнут спонсировать подставных баллотирующихся лиц, которые, попав во власть, статут лоббировать их личные интересы. В целом уголовно-правовая санкция при примерно равной степени общественной опасности с деяниями, содержащимися в ч. 1 исследуемой статьи, построена непропорционально. Ввиду этого получилось, что санкция ч. 2 по отношению к ч. 1 ст. 141.1 УК РФ сконструирована неоправданно строже.

Как обоснованно отмечает И.Я. Козаченко, в нормах о преступлениях различных видов, имеющих одинаковые квалифицирующие признаки, должно иметься соответствие санкций, т.е. примерно одинаковое типовое наказание одноименных квалифицирующих признаков, пропорциональное изменению степени общественной опасности деяния⁴. Учитывая изложенные упущения, санкция ч. 2 ст. 141.1 УК РФ требует немедленного изменения.

2. Нарушение принципа справедливости при построении законодателем уголовно-правовых санкций

Одна из важнейших особенностей уголовного законодательства РФ проявляется в том, что оно сконструировано и действует на основе основополагающих принципов, каждый из которых качественно определен и имеет самостоятельное значение. Особое место среди них занимает принцип справедливости, согласно которому наказание и иные меры уголовно-правового воздействия, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ст. 6 УК РФ). «Справедливость, — писал выдающийся российский юрист А.Ф. Кони, — должна находить себе выражение в законодательстве, которое тем выше, чем глубже оно всматривается в жизненную правду людских потребностей»⁵. Поэтому адекватная оценка подлинной общественной опасности деяния является долгом законодателя.

Недаром В.Н. Кудрявцев отмечал, что «любое право, как таковое, утрачивает свое нравственное значение, если оно не обеспечивает справедливости»⁶. Об этом же пишет и Л.С. Явич: «...Справедливость является принципом правовой системы, без наличия которого право не только теряет свое нравственное основание, но и оказы-

вается дисгармоничным, несбалансированным»⁷. Применительно к рассматриваемой проблеме это означает, что за конкретное криминализованное деяние законодатель обязан предусмотреть не мягкое, не жесткое, а исключительно *справедливое* наказание, включая иные меры уголовно-правового характера. Указанные принципы необходимо всегда учитывать как при введении санкций в действующий уголовный закон, так и при назначении самого наказания осужденному лицу. Они обязательно должны находиться между собой в строгом динамическом единстве для того, чтобы эффективно способствовать восстановлению социальной справедливости, исправлению осужденных, а также предупреждению совершения новых преступлений.

Вместе с тем исследование уголовно-правовых санкций установленных за нарушение порядка субсидирования избирательных кампаний, кампаний референдума показало, что помимо их крайней неэффективности они еще несправедливо сконструированы законодателем. В частности, если прибегнуть к мере воздействия ч. 1 ст. 141.1 УК РФ, то можно увидеть, что у такого предусмотренного в ней основного наказания, как обязательные работы, прописана лишь верхняя граница его назначения. Минимальный же предел наложения данной репрессии в санкции, к сожалению, не указан. Это позволяет суду, руководствуясь ст. 49 УК РФ и комментируемой уголовно-правовой санкцией, приговорить лицо, обвиняемое в совершении таких преступлений, к этому виду наказания на срок от шестидесяти до трехсот шестидесяти часов. Увидеть большую разницу в сроке назначения анализируемой репрессии в состоянии даже первоклассник. В одном случае лицо, приговоренное к подобному наказанию, будет исполнять его при условии отбытия четырех часов в день (без учета выходных) чуть более двух недель, а в другом — три месяца. Получается, что различие между нижним и высшим пределом рассматриваемой уголовно-правовой репрессии составляет 6 раз. Отчего такое пессимистическое положение действующего уголовного закона нельзя признать справедливым.

Обратившись к установленному наказанию за комментируемые деяния в виде исправительных работ, можно увидеть аналогичную недопустимую ситуацию. Законодатель, включив этот вид наказания в санкцию ч. 1 ст. 141.1 УК РФ, не прописал минимально допустимую амплитуду его назначения. Вследствие чего судьи, вынося определение по настоящей категории уголовных дел, имеют право приговорить обвиняемых к данному наказанию на срок от двух месяцев до

⁴ См.: Козаченко И.Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья: обусловленность, структура, функции, виды. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1987. С. 213.

⁵ См.: Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6 / под общ. ред. В.Г. Базанова, Л.Н. Смирновой, К.И. Чуковского. М., 1968. С. 25.

⁶ См.: Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. С. 111.

⁷ См.: Явич Л.С. Общая теория права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. С. 158.

одного года. Как видно, разница в сроке назначения и этого вида наказания снова составляет без малого 6 раз.

Несоразмерен в оговариваемой уголовно-правовой санкции и срок назначения предусмотренного наказания в виде принудительных работ. Нормотворец также не прописывает нижнюю границу его назначения. Но, исходя из действующих правил исполнения настоящей репрессии, она может быть назначена обвиняемому лицу за рассматриваемые деяния на срок от двух месяцев до одного года. Следовательно, расхождение в сроке назначения данного наказания остается на прежнем критическом уровне. Относится это и к имеющейся репрессии в виде лишения свободы.

Представленная выше вакханалия наглядно подтверждает факт того, что при проектировании описываемой санкции законодатель недооценил реальную общественную опасность подобных преступлений. На наш взгляд, проводимая уголовно-правовая политика в данном отношении является чрезмерно либеральной, а главное — не направленной на восстановление социальной справедливости. В связи с этим видится обоснованной точка зрения В.В. Лунеева о том, что «диктатура преступности при либеральной борьбе с ней становится не менее опасной, чем диктатура тоталитаризма»⁸.

Не построена на принципе справедливости, к сожалению, санкция за деяния, криминализованные в ч. 2 ст. 141.1 УК РФ. Предусмотрев в ней наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, законодатель прописал его максимальный и минимальный предел назначения. Однако разница между возможным сроком исполнения такого приговора может на практике достигать до 5 раз, так как суд имеет право, исходя из санкции, приговорить обвиняемое лицо к данному виду наказания на срок от одного года до пяти лет. Выходит, что само действующее уголовное законодательство в сфере регулирования предела назначения этого наказания в качестве основного (ч. 2 ст. 47 УК РФ) является несправедливым, поскольку демонстрирует широкую соразмерность срока его назначения.

Следует также обратить внимание на установленное наказание в виде обязательных работ. Введя его в комментируемую уголовно-правовую санкцию, законодатель указал лишь верхнюю допустимую границу. Нижний рубеж назначения наказания не определил. Благодаря чему судьи, руководствуясь ч. 2 ст. 49 УК РФ, могут назначить данный вид наказания обвиняемым лицам на срок от шестидесяти и до четырехсот восьмиде-

сяти часов. Не сложно заметить, что расхождение между наибольшим и наименьшим сроком назначения репрессии составляет 8 раз. Поэтому данный вид наказания в том виде, в каком он законодателем сегодня утвержден в санкции ч. 2 ст. 141.1 УК РФ, нельзя признать справедливым.

Аналогичное обстоятельство можно увидеть, если посмотреть в исследуемой уголовно-правовой санкции на имеющееся наказание в виде исправительных работ. Законодатель в ней также не определил нижнюю допустимую амплитуду его назначения. Отчего суд в соответствии с ч. 2 ст. 50 УК РФ и указанным в санкции верхним пределом назначения рассматриваемого наказания может приговорить к нему обвиняемых за совершение подобных преступлений на срок от двух месяцев до двух лет. Стало быть, максимальное расхождение в сроке назначения этой репрессии за одни и те же деяния на практике может достигать до 12 раз. Разумеется, такое положение уголовного закона свидетельствует о его несправедливости.

Равным образом это относится к установленному наказанию в виде принудительных работ и лишению свободы. Дело в том, что в оговариваемой санкции законодатель не прописал нижний порог их назначения. Вследствие чего наибольшая разница в сроке (пределе) исполнения подобных наказаний за деяния, криминализованные в ч. 2 ст. 141.1 УК РФ, также может достигать до 12 раз. На наш взгляд, частичная пенализация в этом отношении проведена с нарушением основополагающего принципа — справедливости.

К тому же, мы считаем, что законодатель, сконструировав данную уголовно-правовую санкцию, объективно не оценил подлинный характер и степень общественной опасности этих деяний. В итоге назначение любого наказания в том виде, в котором они в настоящее время определены в рассматриваемой мере воздействия, не способно восстановить социальную справедливость и, как следствие, загладить причиненный вред перед гражданами. По указанным причинам проводимую уголовно-правовую политику в представленной сфере следует изменить в сторону ужесточения наказаний, содержащихся в санкции ч. 2 ст. 141.1 УК РФ.

3. Заложено чрезмерно широкое судейское усмотрение

Одновременно дальнейшее исследование комментируемых уголовно-правовых санкций позволило нам обнаружить то, что кроме нарушения принципа справедливости они содержат в себе и чрезмерно широкое судебское усмотрение при назначении имеющихся в них наказаний. Так, например, введенная мера воздействия за деяния, криминализованные в

⁸ См.: Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 860–861.

ч. 1 ст. 141.1 УК РФ, представляет огромные возможности судьям в плане назначения обвиняемым того или иного вида и срока наказания. Исходя из ее юридического строения, суд при наличии отягчающих обстоятельств имеет право назначить подсудимому самое тяжкое наказание в виде лишения свободы на срок от двух месяцев до одного года. При этом судьи могут прийти к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания данного вида наказания, постановив считать его условным. Также последние обладают возможностью заменить назначенное наказание, состоящее в лишении свободы, на принудительные работы, приговорив к ним виновных лиц на срок от двух месяцев и до одного года. Более того, суд может назначить за совершение оговариваемых преступлений наказание в виде исправительных работ на срок от двух месяцев до двух лет. Причем, назначив подобную репрессию, судьи правомочны постановить ее условной.

Наряду с этим суд может назначить обвиняемым лицам наказание в виде обязательных работ на срок от шестидесяти до трехсот шестидесяти часов и штраф в размере от двухсот до пятисот тысяч рублей. В случае, если в деле имеются исключительные обстоятельства, то судьи имеют право в соответствии со ст. 64 УК РФ назначить лицам, обвиняемым в данном преступлении, наказание в виде штрафа, ниже низшего предела, прописанного в уголовно-правовой санкции. В результате суд может назначить эту репрессию, например, в размере *ста, восьмидесяти и пяти* тысяч рублей.

Как наглядно видно, представленная выше уголовно-правовая мера воздействия предусматривает чрезмерно широкое судебское усмотрение при назначении определенного вида наказания и его размера. Это означает, что она способна открыто участвовать в механизме преступного поведения и даже породить последнее. Естественно, такими меркантильными положениями действующего уголовного закона могут воспользоваться должностные лица органов отправления правосудия. В связи с чем юридическую конструкцию данной уголовно-правовой санкции законодателю необходимо перестроить в сторону умеренного наличия в ней пределов судебского усмотрения.

В гораздо большей степени судебское усмотрение содержится в санкции, установленной за деяния, криминализованные в ч. 2 ст. 141.1 УК РФ. За их совершение суд может назначить подсудимому при наличии в деле отягчающих обстоятельств самое тяжкое наказание в виде лишения свободы на срок от двух месяцев до двух лет. Параллельно судьи имеют право приговорить виновных лиц к принудительным работам на срок от двух месяцев до двух лет, исправительным

работам на тот же срок, обязательным работам на срок от шестидесяти до четырехсот восьмидесяти часов. Кроме этого, они в силах назначить такое наказание, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до пяти лет и штраф в размере от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей. При исключительных обстоятельствах, существенно уменьшающих общественную опасность преступления, и в результате иных условий суд в порядке ст. 64 УК РФ может назначить наказание в виде штрафа, ниже нижней его границы, прописанной в комментируемой санкции. Например, он может вполне назначить настоящую репрессию в размере, скажем, *ста пятидесяти, восьмидесяти, двадцати* и даже *пяти* тысяч рублей.

Между тем, приговорив осужденных к наказанию, состоящему в исправительных работах и к лишению свободы, суд, придя к выводу о том, что дальнейшее исправление таких лиц может быть достигнуто без реального отбывания данных репрессий, имеет возможность в соответствии со ст. 73 УК РФ постановить считать подобные назначенные наказания условными.

Безусловно, конструкция описанной уголовно-правовой санкции обладает потенциальной криминогенностью ввиду того, что наделяет широчайшими полномочиями должностных лиц органов отправления правосудия, которые могут свободно использовать их для своей личной выгоды. Иными словами, провоцируется *легальное* преступное поведение, способствующее порождению коррупции при применении действующих норм уголовного закона, что никогда не должно быть признано допустимым. По этой причине строение оговариваемой санкции также требуется изменить в сторону сужения в ней рамок судебского усмотрения. Одновременно с этим вызывает уважение высказанная точка зрения С.В. Тасакова о том, что внесению изменений в уголовное законодательство должно предшествовать тщательное обсуждение законопроекта с привлечением представителей общественности, изучением общественного мнения и судебной практики, консультаций с известными учеными⁹. Это позволит избежать ошибок при принятии уголовного закона и сложностей его применения.

Итак, рассмотрев существующие проблемы реализации важнейшего метода уголовно-правовой политики — пенализации в отношении деяний, состоящих в нарушении порядка финансирования избирательных кампаний, кампаний референдума на уровне законодательской деятельности, можно сделать убедитель-

⁹ См.: Тасаков С.В. Реформа уголовного законодательства Российской Федерации в свете последних изменений // Российская юстиция. 2012. № 4. С. 46.

ный вывод о том, что в действительности никакой обдуманной, выверенной политики российского государства в этой сфере нет. Как мы видим, существующая в настоящий момент конструкция исследуемых мер воздействия является несбалансированной. Она содержит системные просчеты и ошибки, которые отразились в серьезных недостатках их карательных частей. Отчего ключевой задачей разрешения сформировавшейся парадигмы именно на данном этапе в отношении анализируемых преступлений должна стать разработка научно обоснованных, справедливых, востребованных и эффективных уголовно-правовых санкций, влекущих для ярых преступников неблагоприятные социальные последствия. В них необходимо подлинно отразить охраняемую государством социально значимую ценность данных общественных отношений. При этом границы предусмотренной уголовной ответственности требуется установить в оговариваемых санкциях конкретно.

Тем не менее, одна из главных причин описанного казуса состоит в том, что до сих пор в науке так и не были разработаны основополагающие правила конструирования уголовно-правовых санкций в зависимости от *подгруппы* более близких по характеру охраняемых общественных отношений, выражающих некоторые тесно взаимосвязанные интересы. На сегодняшний день ученому сообществу удалось выработать лишь общие для всех преступлений типичные рекомендации формирования санкций статей Особенной части УК РФ. Но даже в них, к сожалению, отсутствует единое теоретическое и практическое решение обозначенной проблемы. В связи с чем имеющиеся доктринальные предложения ученых по данному вопросу очень сильно разнятся. Так, например, С.И. Дементьев, один из первых занимаясь в нашей стране проблемой уголовно-правовых санкций, разработал общие правила их конструирования, основываясь на наказании в виде лишения свободы. По его мнению, в санкциях вторых и последующих частей статей УК нужно устанавливать более строгое наказание за квалифицированный вид преступления. В части второй должен предусматриваться минимальный срок наказания, равный максимальному сроку, указанному в санкции части первой. Разрыв между наибольшей и наименьшей мерой этого наказания не должен быть большим. Разница не должна превышать 3–5 лет¹⁰.

И.И. Карпец также выступал за разработку и претворение в жизнь обязательных для законодателя правил построения санкций, которые исключили бы возможность столь большой разницы между минимальным и максимальным

значением одного вида наказания. Оптимальной разницей интервалов, например, сроков лишения свободы, он видел 3–4 года¹¹.

Весьма интересные способы построения уголовно-правовых мер воздействия предлагает А.И. Коробеев. Он считает, что амплитуда наказаний, содержащихся в санкции, не должна быть чрезмерно широкой. Границы репрессии требуется определять в пределах до 3 лет. Когда диспозиция нормы содержит большое число квалифицированных видов преступлений, целесообразно уменьшить «шаг» санкции до 1–2 лет¹². Если диспозиция нормы предусматривает два вида преступлений и квалифицированный состав значительно превышает по степени общественной опасности простой, необходимо увеличить интервал между границами санкций до 4–5 лет.

Заслуживает особого внимания точка зрения на формирование уголовно-правовых санкций В.И. Зубковой. Она считает, что в случае, если мера воздействия предусматривает альтернативу в 3–5 видов наказаний, ее строение признать удачным нельзя, поскольку оно не отвечает ни принципу справедливости, ни общим началам назначения наказания, ни его индивидуализации, а создает широкое поле для судебного усмотрения. Ученый предлагает индивидуализировать наказание не в рамках беспредельно альтернативных санкций, а в пределах относительно-определенных или альтернативных, но с набором видов наказаний, в частности, не более двух¹³.

Приведенные выше конфронтационные суждения лишней раз подтверждают факт того, что в науке уголовного права существует множество различных общих рекомендаций по построению санкций статей Особенной части УК РФ. Конечно, их наличие является ценнейшей первоосновой для формирования эффективных уголовно-правовых мер воздействия на преступность. Однако, несмотря на это положение, как нам видится, общих конкретизированных рекомендаций по конструированию такого рода санкций недостаточно. Мы считаем, что если имеются обобщенные предложения, то параллельно должны быть обязательно выработаны и апробированы конкретные правила построения уголовно-правовых санкций каждой отдельно взятой главы УК РФ. На наш взгляд, такая необходимость обусловлена тем, что изначально все общественные отношения, поставленные

¹¹ См.: Карпец И.И. Наказание: социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 240.

¹² См.: Российское уголовное право: курс лекций / под ред. А.И. Коробеева. Т. 1. Преступление. С. 107.

¹³ Зубкова В.И. Проблемы построения и взаимообусловленности санкций и категорий преступлений в УК РФ // Уголовное право. 2002. № 4. С. 20.

¹⁰ См.: Дементьев С.И. Построение уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы. Ростов-н/Д., 1986. С. 141.

под защиту уголовного закона, поделены и структурированы в однотипные группы. В них содержатся отношения одного вида, каждое из которых становится непосредственным объектом при совершении преступления. Поэтому для разнотипных групп (подгрупп) общественных отношений, которые в действительности отличаются друг от друга социально значимой ценностью, интересами и благами, целесообразно и, в большей степени, оправданно разработать конкретные (индивидуальные) правила конструирования уголовно-правовых санкций, применяемых за их нарушение или создание реальной угрозы причинения вреда совершенным преступлением. Иными словами, например, за деяния против жизни и здоровья следует ввести одни регламентирующие требования построения уголовно-правовых мер воздействия, а за посягающие на собственность — другие. Это позволит с учетом характерной специфики совершения таких преступлений в рамках более узкого типа общественных отношений установить справедливые, обусловленные, отвечающие требованиям законности и гуманизма уголовно-правовые санкции.

Стало быть, применительно к рассматриваемой проблеме, прежде чем предложить новую редакцию санкций за деяния, состоящие в *нарушении порядка финансирования избирательных кампаний, кампаний референдума*, требуется сначала выработать конкретные правила их построения за преступления, посягающие на *политические права и свободы*, которые являются одним из групповых признаков деяний, образующих гл. 19 УК РФ.

Представляется, чтобы не допустить описанные выше социально-негативные проблемы, связанные с реализацией важнейшего метода уголовно-правовой политики — пенализации на уровне законотворческой деятельности в отношении политических преступлений в целом, следует создавать меры воздействия за их совершение исключительно как относительно-определенные и кумулятивные. Так, М.И. Ковалев отмечал, что первый вид санкций является одновременно и альтернативным¹⁴. Уголовные репрессии в них должны быть установлены строго с указанием нижней и верхней амплитуды их назначения. Имеющиеся наказания должны пропорционально соотноситься между собой по размерам. Важно, чтобы каждая такая санкция была построена четко, соответствовала по виду и размерам описанного в ней наказания, а также прогнозируемым отдельным индивидуальным свойствам содеянного и самой личности виновного.

На наш взгляд, исходя из такого вида преступлений, их категории тяжести, введенные за них меры воздействия должны предусматривать альтернативу в 2–3 вида наказания. Мы считаем, что этого достаточно для дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации судом наказания за данные деяния. Уголовно-правовые санкции должны состоять из таких видов наказаний, как: штрафа, который нужно ввести в качестве основного и дополнительного наказания; лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, назначаемого только в виде дополнительной репрессии; принудительных работ; и лишения свободы на определенный срок. При этом дополнительное наказание не должно быть строже, чем основное. Разрыв между наказанием в санкции должен быть обязательно согласован с категорией преступления.

Полагаем, что при построении уголовно-правовых санкций требуется руководствоваться следующим правилом: *чем менее тяжким является преступление, тем меньше должен быть разрыв в пределе (сроке) назначения наказания, и — наоборот*. В связи с этим приемлемо установить разрыв в сроке назначения минимального и максимального наказания в виде лишения свободы за данные преступления, относящиеся к категории небольшой тяжести — 1 год, а средней — в 2 года. Вторую предлагаемую по тяжести репрессию в виде *принудительных работ* оптимально утвердить в санкциях на срок от 1 года до 2 лет. Третье наказание, состоящее в *лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью*, учитывая характер общественной опасности политических преступлений, требуется установить в качестве дополнительного только к основному наказанию в виде лишения свободы. Срок его назначения необходимо определить в размере от 2 до 3 лет. Параллельно суд должен иметь право не назначать данное наказание. Четвертую репрессию — *штраф* в составах оговариваемых преступлений небольшой тяжести, где он выступает основным видом наказания, целесообразно назначать в размере от 100 до 150 тыс. рублей. В тех уголовных санкциях, в которых настоящее наказание предстает в виде дополнительного (т.е. за преступления средней тяжести), мера его предписания должна составлять от 150 до 500 тыс. руб., в зависимости от вида совершенного деяния. Кроме этого, за судом следует оставить право не назначать штраф к основному виду наказания.

С учетом всего изложенного, в целях недопущения дальнейшего противоречивого строения исследуемых уголовно-правовых мер воздействия, основываясь на конкретных разработанных правилах их конструирования в отношении политических преступлений, по-

¹⁴ См.: Ковалев М.И. Советское уголовное право: курс лекций. Вып. 2. Свердловск, 1974. С. 60.

лагаем обоснованным представить санкции ст. 141.1 УК РФ в следующей новой редакции (законопроект):

1. —

наказывается лишением свободы на срок от трех до пяти лет со штрафом в размере от двухсот восьмидесяти до пятисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до трех лет либо без такового.

2. —

наказывается лишением свободы на срок от трех до пяти лет со штрафом в размере от двухсот семидесяти до четырехсот восьмидесяти тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до трех лет либо без такового.

Думается, что в предложенных выше конструкциях уголовно-правовых санкций заложен эффективный выход из выявленных проблем проведенной пенализации в отношении деяний, состоящих в нарушении порядка финансирования избирательных кампаний, кампаний референдума. Так, установленные в санкции ч. 1 ст. 141.1 УК РФ виды и сроки (размеры) наказаний видятся вполне оправданными, поскольку отражают объективную общественную опасность данных коррупционных преступлений. Нельзя забывать, что их совершение наносит колоссальный вред не только всей избирательной системе, но и конституционным правам граждан. В частности, они деформируют правосознание электората, дискредитируя его доверие к институтам государственной власти, и разрушают фундаментальный принцип российского избирательного права — принцип состоятельности выборов. Подобное фиаско лишь подтверждает, что за комментируемые деяния наказание должно быть в меру строгими и справедливым. В этой связи репрессия, состоящая в лишении свободы применительно к настоящим преступлениям, представляется обоснованной. Лиц, совершивших данные деяния, давно пора привлекать к реальным срокам. Причем, исходя из самой специфики оговариваемых преступлений, мы посчитали целесообразным включить в конструкцию санкции, помимо основного наказания, еще и дополнительное — в виде штрафа. Введение последней репрессии в таком качестве обусловлено тем, что полученный от этих деяний вред должен быть заглажен не только перед гражданами, но и государством, чьи утвержденные правила умышленно нарушаются. Поэтому, на наш взгляд, предлагаемая к принятию конструкция уголовно-правовой санкции будет способна восстановить социальную справедливость, исправить осужденных и оказать предупредительное воздействие совершению новых таких преступлений.

В отношении рекомендуемого юридическое строения санкции ч. 2 ст. 141.1 УК РФ также следует сказать, что установленные в ней виды наказаний и их размеры (сроки) представляются небезосновательными ввиду того, что непредвзято показывают общественную опасность данных преступлений, которая схожа с описанными предыдущими деяниями, содержащимися в ч. 1 исследуемой уголовной статьи. Именно их совершение наделяет кандидатов в депутаты, электоральные движения, инициативные группы по проведению всеобщего голосования и иные группы участников референдума неравным преимуществом в плане осуществления избирательной кампании, кампании референдума по сравнению другими политическими соперниками. Концентрируя в своих руках нелегальные денежные средства, позволяют последним проводить более масштабную агитационную деятельность, в которой используются различные «грязные» избирательные технологии. Из-за этого предшествующие избирательные процедуры становятся нечестными и несправедливыми с нравственной точки зрения. Отчего противодействовать и подобным коррупционным преступлениям нужно жесткими, но разумными мерами, которые должны наводить страх перед неизбежностью наказания. В связи с чем предлагаемая к принятию новая редакция санкции ч. 2 ст. 141.1 УК РФ равным образом представляется обоснованной и своевременной.

Но все же, несмотря на вышесказанную сентенцию, нужно понимать, что только одной предложенной юридической конструкцией исследуемых уголовно-правовых санкций реально невозможно привести к снижению судейского усмотрения до умеренного уровня. Например, предусмотренное в анализируемых санкциях такое наказание, как лишение свободы, суд вполне может назначить подсудимому лицу, руководствуясь своим внутренним убеждением, на срок от трех до пяти лет, постановив считать его условным. Однако известно, что подобная мера государственного принуждения не является наказанием и, следовательно, не преследует цель исправления осужденного, предупреждения совершения новых деяний, восстановления социальной справедливости. Де-факто условное осуждение — это всего лишь «надежда» на исправление, которое должно в итоге привести к правомерному поведению осужденного в будущем. Законодательно допускаемое на сегодняшний день обширное применение данной репрессалии, в частности, за преступления, относящиеся к категориям небольшой, средней тяжести, тяжких, способствует наделянию органов правосудия также широкими возможностями при ее избрании подсудимому, тем самым провоцируя с их сто-

роны легальное криминальное поведение. Как видится, эта проблема остается открытой и ее нельзя оставить вне поля зрения.

На наш взгляд, разрешить данную апорию наиболее приемлемо путем сужения чрезмерно большой установленной границы применения этой государственной меры принуждения. Основываясь на самой юридической природе условного осуждения, состоящей в неисполнении назначенного судом наказания под определенным условием, целесообразно применять его только за неумышленные, некоррупционные преступления, относящиеся к категории небольшой тяжести. Другие законные права на освобождение от назначенного уголовного наказания, содержащиеся в гл. 12 УК РФ, должны обязательно оставаться у суда в полном имеющемся объеме.

Помимо этого, существует еще одна важная нерешенная проблема, связанная с правом суда, назначать наказание с применением ст. 64 УК РФ. Сложившаяся судебная практика последних лет показывает, что при использовании комментируемой уголовно-правовой нормы суды, опираясь на постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2¹⁵, признавали фактом, смягчающим наказание, любые установленные в судебном заседании *исключительные* обстоятельства, в том числе и не предусмотренные ч. 1 ст. 61 УК РФ. В данное время такая практическая деятельность уже на основании нового принятого постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58¹⁶ продолжает и дальше идти по такому пути. Это означает, что суды при назначении определенного вида уголовного наказания могут посчитать, исходя из своего *сугубо личного усмотрения*, смягчающими те исключительные обстоятельства, которые объективно такими вовсе и не являются. В данном случае органы отправления правосудия назначают репрессию ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Равным образом, суд может назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотренный этой статьей, или не применить дополнительный вид репрессии, установленный в качестве обязательного. Исключением из этого положения являются лишь деяния, прописанные в ч. 3 ст. 64 УК РФ.

Очевидно, что исследуемая нами действующая уголовно-правовая норма необоснованно наделяет судей явными полномочиями законодателя. Осуществляя фактически подобными

процессуальными действиями на практике собственническую переоценку характера общественной опасности преступления, установленную законодательством, суд тем самым изменяет границы (*рамки*) метода уголовно-правовой политики — пенализации, делая их неизмеримо подвижными. Данная сложившаяся конъюнктура ни в коем случае недопустима. Сопряжено это с тем, что ст. 64 УК РФ также допускает, не нарушая уголовный закон, криминогенное коррупционное поведение органов отправления правосудия. К тому же, помимо указанного негативного фактора, она еще и противоречит ст. 10 Конституции РФ. Поэтому, пока анализируемая норма будет действовать, проводимые судебные процессы на территории нашей страны с ее применением нельзя признавать законными. В целом функционирование этой нормы объективно не приведет к снижению чрезмерно широкого судебного усмотрения при установлении в санкциях Особенной части УК РФ *нижних* и *верхних* границ наказаний, поскольку суд, используя ст. 64 УК РФ, с легкостью сможет обойти эту немаловажную законодательную инициативу. В связи с чем данную уголовно-правовую норму требуется признать утратившей силу.

Тем не менее нужно признать, что и настоящие рекомендуемые нововведения не способны в должной мере привести к транспарентности проведения всего современного судебного уголовного процесса. Но к выполнению этой важнейшей задачи следует стремиться. Сегодня деятельность судебной власти в Российской Федерации никто не контролирует. Подавляющее большинство граждан отдалено от участия в отправлении правосудия. Мы считаем подобную сложившуюся ситуацию недопустимой. В провозглашенном демократическом государстве граждане должны открыто наблюдать за деятельностью всех ветвей власти. Поэтому в нашей стране их участие в надзоре за осуществлением правосудия требуется значительно расширить. Они обязаны гораздо шире реализовывать свое право, предусмотренное п. 5 ст. 32 Конституции РФ. Для этого крайне необходимо, чтобы рассмотрение всех уголовных дел, за исключением составляющих государственную тайну, проводилось с участием присяжных заседателей. Известно, что такая форма отправления правосудия имеет свои особенности и проводится только в Верховном Суде РФ, верховных судах республик, областных, краевых, судах городов федерального значения, окружных (флотских) судах, автономной области и автономных округов¹⁷. Подобное обстоятельство

¹⁵ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 № 2 (ред. от 03.12.13) «О практике назначения судами РФ уголовного наказания» (утратило силу) // РГ. № 13. 24 янв. 2007 г.

¹⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами РФ уголовного наказания» // РГ. Федеральный выпуск № 295. 29 дек. 2015 г.

¹⁷ См.: Федеральный закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ (в ред. от 29.12.2010 № 433-ФЗ) «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3528; 2011. № 1. Ст. 45.

является несправедливым, поскольку ущемляет право граждан участвовать в низовом звене судебной системы.

Как обоснованно отметил В.В. Путин на Всероссийском совещании судей, прошедшем 16 февраля 2016 г.: «Необходимо расширить сферу деятельности судов с участием присяжных заседателей до уровня районных судов»¹⁸. По нашему мнению, нужно пойти дальше и распространить этот институт до уровня мировых судей. Такая необходимость обусловлена тем, что они являются судьями общей юрисдикции субъектов РФ и также входят в единую судебную систему РФ. Мировые судьи вправе в пределах своей компетенции рассматривать *уголовные дела*, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы, подсудные им в соответствии с ч. 1 ст. 31 УПК РФ¹⁹. Мировые судьи исследуют и выносят процессуальные решения по поступившим уголовным делам исключительно единолично, никакого контроля за их беспристрастной деятельностью со стороны граждан нет. Это является прямым нарушением Основного закона РФ.

Конечно, можно утверждать, что расширение применения данного института при рассмотрении уголовных дел не приведет ни к какому положительному результату, поскольку от рядовых граждан нет толку. Настоящая законодательная инициатива выступает бесполезной тратой времени, сил и финансовых ресурсов. Однако мы разделяем высказанную точку зрения по данному вопросу авторитетного ученого В.П. Малкова о том, что установление такой формы отправления правосудия принесет в судебные залы элементы народного мнения, будет являться школой правового воспитания людей, участвующих в судебных процессах²⁰. Пока данный институт не станет функционировать широко, судебный процесс останется несправедливым. Он окажется и дальше построен на повышенном субъективизме. Суд не будет выносить решения, основанные на подлинной оценке имеющихся доказательств, ввиду того что сохранит зависимость от давления извне, особенно со стороны властных, криминальных структур.

Считаем, что лишь рекомендуемое применение суда присяжных сможет придать российской уголовной судебной системе демократичность, поднять ее авторитет в глазах народа. Только в этом случае суд способен стать не просто бюрократическим учреждением, но и надежным гарантом обеспечения законности при защите прав и свобод граждан РФ в возникших неординарных конфликтных ситуациях. В нашем государстве уголовный закон и суд, его применяющий, как видится, должен быть именно таким.

Список литературы

1. Александров А.И. Современная уголовная политика России: понятие, структура, содержание // *Правоведение*. 2012. № 3. С. 181.
2. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006. 144 с.
3. Дементьев С.И. Построение уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы. Ростов-н/Д., 1986. 121 с.
4. Зубкова В.И. Проблемы построения и взаимообусловленности санкций и категорий преступлений в УК РФ // *Уголовное право*. 2002. № 4. С. 20.
5. Карпец И.И. Наказание: социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. 288 с.
6. Керимов Д.А. Законодательная техника: науч.-метод. и учеб. пособие. М.: Изд-во Инфра-М, Норма, 1998. 127 с.
7. Ковалев М.И. Советское уголовное право: курс лекций. Вып. 2. Свердловск: Изд-во Свердловского юридического института, 1974. 226 с.
8. Козаченко И.Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья: обусловленность, структура, функции, виды. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1987. 232 с.
9. Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6 / под общ. ред. В.Г. Базанова, Л.Н. Смирновой, К.И. Чуковского. М., 1968. 544 с.
10. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. 192 с.
11. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. 912 с.
12. Малков В.П. Правовой нигилизм или законотворческое неряшество? (Кто несет ответственность за нелегитимность федерального закона в целом или отдельные его положения?) // *Вестник Саратовской государственной академии права*. 2009. № 5 (69). С. 133.
13. Путин В.В. Суд присяжных можно распространять до уровня районных судов // *РГ*. № 6901 (33). 2016. 17 февр.
14. Российское уголовное право: курс лекций / под ред. А.И. Коробеева. Т. 1. Преступление. Владивосток: Изд-во ДГУ, 1999. 603 с.
15. Тасаков С.В. Реформа уголовного законодательства Российской Федерации в свете последних изменений // *Российская юстиция*. 2012. № 4. С. 46.
16. Явич Л.С. Общая теория права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. 298 с.

¹⁸ См.: Путин В.В. Суд присяжных можно распространять до уровня районных судов // *РГ*. Федеральный выпуск № 6901 (33). 17 февраля. 2016 г.

¹⁹ См.: Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ (в ред. от 21.07.2014 № 276-ФЗ) «О мировых судьях в Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 1998. № 51. Ст. 6270; 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4277.

²⁰ См.: Малков В.П. Правовой нигилизм или законотворческое неряшество? (Кто несет ответственность за нелегитимность федерального закона в целом или отдельные его положения?) // *Вестник Саратовской государственной академии*. 2009. № 5 (69). С. 133.

About Actual Problems of a Penalization of the Election Campaigns Existing at the Level of Legislative Activity on Violation of an Order of Financing, Campaigns of a Referendum: Scientific Way of their Decision

Lakekhin M.A.,

PhD Student, Department Criminal-Law Disciplines

Chuvash State University named I.N. Ulyanova

E-mail: lakehin@rambler.ru

Abstract. *The article examines the problems of implementation of the most important method of penal policy — penalization formed at the level of legislative activity in relation to the acts took place in violation of the order of funding election campaigns, referendum campaigns. It is proved that the ongoing criminal policy in this area is inconsistent. The causes of generation of this dissonance. In the final part are popular legislative innovations, which in the opinion of the author, can lead not only to overcome the identified systemic shortcomings, but also to the transparency of the whole of Russian contemporary criminal justice.*

Keywords: *election campaign, campaign of a referendum, penalization, problems, sanctions, court, criminal policy.*

References

1. Aleksandrov A.I. Sovremennaya ugovnaya politika Rossii: ponyatie, struktura, sodержanie // Pravovedenie. 2012. № 3. S. 181.
2. Alekseev A.I., Ovchinskiy V.S., Pobegaylo E.F. Rossiyskaya ugovnaya politika: preodolenie krizisa. M.: Norma, 2006. 144 s.
3. Dement'yev S.I. Postroenie ugovno-pravovykh sanktsiy v vide lisheniya svobody. Rostov-n/D., 1986. 121 s.
4. Zubkova V.I. Problemy postroeniya i vzaimoobuslovlennosti sanktsiy i kategoriy prestupleniy v UK RF // Ugolovnoe pravo. 2002. № 4. S. 20.
5. Karpets I.I. Nakazanie: sotsial'nye, pravovye i kriminologicheskie problemy. M., 1973. 288 s.
6. Kerimov D.A. Zakonodatel'naya tekhnika: nauch.-metod. i ucheb. posobie. M.: Izd-vo Infra-M, Norma, 1998. 127 s.
7. Kovalev M.I. Sovetskoe ugovnoe pravo: kurs lektsiy. Vyp. 2. Sverdlovsk: Izd-vo Sverdlovskogo yuridicheskogo instituta, 1974. 226 s.
8. Kozachenko I.Ya. Sanktsii za prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya: obuslovlennost', struktura, funktsii, vidy. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 1987. 232 s.
9. Koni A.F. Sobranie sochineniy: v 8 t. T. 6 / pod obshch. red. V.G. Bazanova, L.N. Smirnovoy, K.I. Chukovskogo. M., 1968. 544 s.
10. Kudryavtsev V.N. Pravo i povedenie. M., 1978. 192 s.
11. Luneev V.V. Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossiyskie tendentsii. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Volters Kluver, 2005. 912 s.
12. Malkov V.P. Pravovoy nигilizm ili zakonotvorcheskoe neryashestvo? (Kto neset otvetstvennost' za nelegitimnost' federal'nogo zakona v tselom ili otdel'nye ego polozheniya?) // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava. 2009. № 5 (69). S. 133.
13. Putin V.V. Sud prisyazhnykh mozhen rasprostranyat' do urovnya rayonnykh sudov // RG. № 6901 (33). 2016.17 fevr.
14. Rossiyskoe ugovnoe pravo: kurs lektsiy / pod red. A.I. Korobeeva. T. 1. Prestuplenie. Vladivostok: Izd-vo DGU, 1999. 603 s.
15. Tasakov S.V. Reforma ugovnogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii v svete poslednikh izmeneniy // Rossiyskaya yustitsiya. 2012. № 4. S. 46.
16. Yavich L.S. Obshchaya teoriya prava. L.: Izd-vo LGU, 1976. 298 s.